

Тысяча и одна НОЧЬ

Том XII

Перевод с арабского
Михаила Салье

ФТМ

Эпосы, легенды и сказания

Тысяча и одна ночь. Том XII

Серия «Тысяча и одна ночь», книга 12

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22098297
Тысяча и одна ночь. Том XII: ФТМ; Москва;
ISBN 978-5-4467-3001-8*

Аннотация

Книга сказок и историй 1001 ночи некогда поразила европейцев не меньше, чем разноцветье восточных тканей, мерцание стали беспощадных мусульманских клинков, таинственный блеск разноцветных арабских чаш.

«1001 ночь» – сборник сказок на арабском языке, объединенных тем, что их рассказывала жестокому царю Шахрияру прекрасная Шахразада. Эти сказки не имеют известных авторов, они собирались в сборники различными компиляторами на протяжении веков, причем объединялись сказки самые различные – от нравоучительных, религиозных, волшебных, где героями выступают цари и везири, до бытовых, плутовских и даже сказок, где персонажи – животные.

Книга выдержала множество изданий, переводов и публикаций на различных языках мира.

В настоящем издании представлен восьмитомный перевод 1929–1938 годов непосредственно с арабского, сделанный

Михаилом Салье под редакцией академика И. Ю. Крачковского
по калькуттскому изданию.

Содержание

Повесть об Ардешире и Хайят-ан-Нуфус (ночи 719–738)	5
Ночь, дополняющая до семисот двадцати	8
Семьсот двадцать первая ночь	12
Семьсот двадцать вторая ночь	19
Семьсот двадцать третья ночь	25
Семьсот двадцать четвёртая ночь	31
Семьсот двадцать пятая ночь	40
Шестьсот двадцать шестая ночь	45
Семьсот двадцать седьмая ночь	50
Семьсот двадцать восьмая ночь	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Тысяча и одна ночь. Том XII

Повесть об Ардешире и Хайят- ан-Нуфус (ночи 719–738)

Рассказывают также, о счастливый царь, что был в городе Ширазе¹ великий царь по имени ас-Сейф-аль-Азам-Шах, и до великих дожил он годов, и не был наделён сыном. И собрал он врачей и лекарей и сказал им: «Мои годы стали велики, и вы знаете, каково моё состояние и состояние царства и его устройство. Я боюсь за участь подданных после меня, ведь до сих пор не досталось мне сына». – «Мы изготовим тебе зелье, от которого будет польза, если захочет Аллах великий», – сказали лекари. И они приготовили для него зелье, и царь употребил его, а затем он пал на свою жену, и она понесла, по изволению Аллаха великого, который говорит вещи: «Будь!» – и она возникает. И когда исполнились её месяцы, она родила дитя мужского пола, подобное луне, и царь назвал его Ардеширом² и мальчик рос и развивался и

¹ Шираз – главный город персидской провинции Фарс, расположен в долине, к югу от Исфахана. Этот город – родина знаменитых персидских поэтов – Хафиза и Саади.

² Ардешир – имя нескольких персидских царей. Трое из них принадлежали к

изучал богословие и светские науки, пока не стало ему пятнадцать лет жизни.

А был в Ираке один царь по имени Абд-аль-КаDIR, и была у него дочь, подобная восходящей луне, и звали её Хайят-ан-Нуфус. И она ненавидела мужчин, и никто не отваживался упоминать о мужчинах в её присутствии, и сватались к ней у её отца владыки Хосрой, и говорил с нею её отец, но девушка отвечала: «Я не сделаю этого никогда, а если ты меня к этому принудишь, я убью себя».

И услышал царевич Ардешир молву о ней и осведомил об этом своего отца, и посмотрел царь на его состояние и пожалел его и пообещал ему, что поможет на ней жениться. А затем он послал своего везиря к отцу девушки, чтобы к ней посвататься, но тот отказал. И когда везирь вернулся от царя Абд-аль-КаDIRа и рассказал, что у него с ним случилось, и осведомил царя Шираза об отказе, царю стало из-за этого тяжело, и он разгневался великим гневом и воскликнул; «Когда подобный мне посылает к кому-нибудь из царей с просьбой, разве тот может её не исполнить!»

И он велел глашатаю кричать в войсках, чтобы выставили палатки и делали многие приготовления, хотя бы пришлось для этого занять денег на расходы, и воскликнул: «Я не вернусь, пока не разрушу земель Абд-аль-КаDIRа, не перебую его людей, не сотру его следов и не захвачу его имущества!»

династии Сасанидов. Европейские источники приводят это имя в его греческой форме: Артаксеркс.

И когда дошла весть об этом до сына его Ардешира, он поднялся с постели и вошёл к своему отцу царю и, поцеловав перед ним землю, сказал: «О царь величайший, не затрудняй себя ничем...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до семисот двадцати

Когда же настала ночь, дополняющая до семисот двадцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда до царевича дошла весть об этом, он вошёл к своему отцу царю и, поцеловав перед ним землю, сказал ему: «О царь величайший, не затрудняй себя ничем, не собирай богатей и воинов и не расходуй своих денег. Ты сильнее его. Когда ты соберёшь против него это войско, которое с тобою, и разрушишь его землю и страну, убьёшь его мужей и богатей, захватишь его достояние, и убьёшь его самого, дойдёт эта весть и о том, что досталось ему и другим из-за тебя до его дочери, и она убьёт себя, а я умру из-за неё и никогда не буду жить после неё». — «Каков же будет твой замысел, о дитя моё?» — спросил тогда царь. И Ардешир ответил: «Я отправлюсь за тем, что мне нужно, сам и оденусь в одежду купцов и ухитрюсь добраться до девушки, и посмотрю, как удовлетворить моё желание и сблизиться с ней». — «Ты избрал этот замысел?» — спросил его отец. И царевич ответил: «Да, о батюшка».

И тогда царь позвал везира и сказал ему: «Поезжай с моим сыном, радостью моего сердца, и помогай ему в его намерениях и береги его и направляй твоим верным мнением. Ты будешь ему вместо меня». И везир отвечал: «Слушаю и по-

винуюсь!» А потом царь дал своему сыну триста тысяч динаров золотом и дал ему яхонтов, драгоценных камней, золотых изделий, товаров и сокровищ и того, что с этим сходно. И после того юноша вошёл к своей матеря и поцеловал ей руки и попросил её помолиться, и она помолилась за него и тотчас поднялась и, открыв свою казну, вынула для сына сокровища, ожерелья, изделия из золота, одежды, редкости и все то, что сохранялось со времени прежних царей и чего не уравновесить деньгами. И царевич взял с собой невольников, слуг, животных и все, что бывает нужно в пути, со всем прочим, и принял обличье купца, вместе с везирем и теми, кто был с ними, и простился с родителями, родными и близкими. И они поехали, пересекая пустыни и степи в часы ночи и дня.

И когда продлилась для юноши дорога, он произнёс такие стихи:

«Влюблён и тоскую я, и боль моя все сильней,
И нет против злой судьбы мне ныне помощника.
Плеяды я стерегу, взойдут лишь, и ас-Сима³,
Как будто от крайней страсти стал богомольном я.
За утренней я звездой слежу, а как явится,
Бросаюсь блуждать в тоске, и страсть лишь сильней моя.
Я вами клянусь! – любовь на ненависть не сменил,
И вечно не спит мой глаз, и страстью охвачен я.
Мне трудно желанного достигнуть, я изнурён,

³ Ас-Сима³ – название самой яркой звезды в созвездии Девы.

И мало терпения без вас и помощников.
Я все же терплю, пока Аллах не сведёт с тобой,
И ввергнет тем в горести врагов и завистников».

А когда он окончил свои стихи, его ненадолго покрыло беспамятство, и везирь побрызгал на него розовой водой. А когда Ардешир очнулся, он сказал ему: «О царевич, укрепи свою душу – за стойкостью следует облегчение – и вот ты идёшь к тому, чего хочешь!» И везирь до тех пор уговаривал царевича и утешал его, пока не успокоил его волнения, и они ускорили ход. Когда же показался путь царевичу долгим, он вспомнил любимую и произнёс такие стихи:

«Продлён отдаленья срок, тоска и любовь сильна,
И сердце моё горит в огне пламенеющем.
Седа голова моя – так сильно испытан я
Любовью, и слезы глаз струёю текут теперь.
Тебе, о мечта моя, желаний моих предел,
Клянусь я творцом вещей – среди них и листок и ветвь,
Я страстью обременён к тебе, о мечта моя, –
Которую вынести не могут влюблённые.
Вы ночь обо мне спросите – ночь вам поведает,
Смежались ли веки глаз дремотой в часы ночей».

А окончив говорить стихи, он заплакал сильным плачем и стал жаловаться на великую страсть, которую он испытывает, и начал везирь его уговаривать и утешать и обещал ему достижение желаемого. И они проехали немного дней и при-

близились к Белому городу после восхода солнца, и тогда везирь сказал царевичу: «Радуйся, о царевич, полному благу и посмотри на этот Белый город, к которому ты направляешься». И царевич обрадовался сильной радостью и произнёс такие стихи:

«О други мои, влюблён я сердцем, безумен я,
Любовь продолжается, и вечно со мною страсть.
Как друга утративший, не спящий, рыдаю я,
Когда опустилась ночь, нет милостивых в любви,
А если подуют ветры, с вашей земли несясь,
Прохладу я чувствую, на душу сходящую.
И веки мои текут, как тучи, дождь льющие,
И в море излитых слез душа моя плавает».

А достигнув Белого города, они вошли и спросили, где хан купцов и квартал денежных людей. И когда их провели к хану, они поселились там и взяли для себя три амбара и, получив ключи, открыли амбары и внесли туда свои товары и вещи. И они оставались в хане, пока не отдохнули, а потом везирь стал придумывать, как ухитриться в деле царевича...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать первая ночь

Когда же настала семьсот двадцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь и царевич, поселившись в хане, внесли свои товары в амбары и посадили там своих слуг и жили в хане, пока не отдохнули. И потом везирь стал придумывать, как ухитриться в деле царевича, и сказал ему: «Мне кое-что пришло на ум, и я думаю, что в этом будет для тебя благо, если захочет Аллах великий». – «О везирь благого разума, делай то, что пришло тебе на ум, да направит Аллах твоё мнение!» – ответил царевич. И везирь сказал: «Я хочу нанять для тебя лавку на рынке торговцев материей, и ты будешь в ней сидеть. Всякому – и знатному и простому – нужен рынок, и я думаю, что, когда ты сядешь и лавке и люди взглянут на тебя глазами, сердца склонятся к тебе, и ты станешь сильнее для достижения желаемого. Ибо образ твой красив, и умы склоняются к тебе, и возвеселятся из-за тебя глаза». – «Делай то, что ты избирешь и хочешь», – сказал царевич, и везирь тотчас же поднялся и надел своё самое роскошное платье, и царевич тоже, и спрятав за пазуху кошель, где была тысяча динаров, и затем они вышли и пошли по городу. И люди смотрели на них и были ошеломлены красотой царевича и говорили: «Слава тому, кто сотворил этого юношу из ничтожной воды! Благословен Аллах, лучший из творцов».

И умножались разговоры о юноше, и люди говорили: «Это не человек, это не кто иной, как вышний ангел»⁴. А некоторые люди говорили: «Наверно отвлёкся Ридван, хранитель рая, от райских ворот, и вышел из них этот юноша». И люди следовали за ними на рынок материй, пока они не дошли и не остановились. И тогда подошёл к ним старец, внушавший почтение и полный достоинства, и приветствовал их, и когда они ответили на приветствие, он спросил: «О господа, есть ли у вас какая-нибудь нужда, которую мы будем иметь честь исполнить?» – «А кто ты будешь, о старец», – спросил везирь. И старец ответил: «Я надзиратель рынка». И тогда везирь сказал: «Знай, о старец, что этот юноша – мой сын, и я желаю взять для него лавку на этом рынке, чтобы он сидел там и учился продавать и покупать, и брать, и отдавать, и усвоил бы свойства купцов». И надзиратель отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

А потом в тот же час и минуту он принёс им ключи от одной из лавок и приказал посредникам её вынести, и те вынесли лавку и почистили её, а везирь послал принести для лавки высокое кресло, набитое перьями страусов, на котором лежал маленький молитвенный коврик, обшитый «округ червонным золотом, и принёс также, подушку, и принёс столько товаров и материй из тех, которые прибыли с ним, что они наполнили лавку.

И когда настал следующий день, юноша пришёл и отпер

⁴ Слова из XII суры Корана, посвящённой рассказу об Иосифе Прекрасном.

лавку и сел на кресло и поставил перед собой двух невольников, одетых в лучшие одежды, а в глубине лавки он поставил двух рабов из прекраснейших абиссинцев.

А везирь наказал юноше скрывать свою тайну от людей, чтобы найти этим помощь для свершения своих дел, и затем он оставил его и отправился в амбары, наказав юноше, чтобы он осведомлял его обо всем, что будет происходить в лавке, день за днём.

И юноша сидел в лавке, подобный луне в её полноте, и люди прослышали о нем и об его красоте и заходили к нему без нужды, чтобы посмотреть на его красоту и прелесть и стройность его стана, и прославляли Аллаха великого, который сотворил его и соразмерил, и никто не мог пройти по этому рынку из-за чрезмерного скопления людей перед юношей. А царевич осматривался направо и налево, не зная, что ему делать из-за людей, которые были им ошеломлены, и надеялся, что завяжет дружбу с кем-нибудь из приближённых к правителю, и, может быть, это приведёт к упоминанию о царской дочери, но не находил к этому пути, и его грудь стеснилась, а везирь каждый день обнадёживал его, что он добьётся желаемого.

И царевич провёл таким образом очень долгий срок, и когда в один из дней он сидел в лавке, вдруг подошла женщина-старуха, чинная, почтенная и достойная, одетая в одежды праведности, и за нею шли две невольницы, подобные паре лун. И она остановилась возле лавки и некоторое время

смотрела на юношу, а затем воскликнула: «Слава тому, кто сотворил это явление и завершил это творение!» И она пожелала юноше мира, и тот возвратил ей приветствие и посадил её рядом с собою, и старуха спросила: «Из какой ты страны, о прекрасный лицом?» И царевич ответил: «Я из краёв индийских, о матушка, и пришёл в этот город, чтобы развлечься». – «Да будешь ты почтён среди приходящих!» – воскликнула старуха. И затем она спросила: «Какие есть у тебя товары, вещи и материи? Покажи мне что-нибудь красивое, подходящее для царей». И, услышав её слова, юноша спросил её: «Ты хочешь красивого? Я покажу его тебе. У меня есть все вещи, подходящие для их обладателей». – «О дитя моё, – сказала старуха, – я хочу что-нибудь дорогое ценой и красивое видом – самое высокое, что у тебя есть». И юноша воскликнул: «Ты непременно должна меня осведомить, для кого ты требуешь товар, чтобы я показал тебе вещь по сану покупателя!» – «Твоя правда, о дитя моё, – сказала старуха. – Я хочу чего-нибудь для моей госпожи Хайят-ан-Нуфус, дочери царя Абд-аль-Кадира, владыки этой земли и царя этой страны». И когда царевич услышал слова старухи, его ум взлетел от радости и сердце его затрепетало. Он протянул руку назад, не приказывая ни рабам, ни невольникам, и, достав кошелёк с сотнею динаров, дал его старухе и сказал: «Этот кошелёк тебе на стирку одежды». А затем он протянул руку к узлу, вынул из него платье, стоящее десять тысяч динаров или больше, и сказал: «Это часть того, что я привёз в вашу

землю».

И когда старуха увидела платье, оно ей понравилось, и она спросила: «За сколько продашь это платье, о совершенный качествами?» И царевич ответил: «Бесплатно». И старуха поблагодарила его и повторила вопрос, и царевич воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не возьму за него платы! Это – подарок тебе от меня, если царица его не примет, и оно будет тебе от меня в знак гостеприимства. Слава Аллаху, который свёл меня с тобою! Если мне когда-нибудь что-нибудь понадобится, я найду в тебе помощницу».

И старуха удивилась этим прекрасным словам и великой щедрости царевича и большому его вежеству и спросила его: «Как твоё имя, о господин?» И царевич ответил: «Ардешир». И старуха воскликнула: «Клянусь Аллахом, это имя диковинное, которым называют детей царских, а ты в облике сыновей купцов!» – «Из любви ко мне назвал меня мой родитель этим именем, и имя ни на что не указывает», – ответил царевич. И старуха удивилась ему и сказала: «О сынок, возьми плату за твой товар», – но царевич поклялся, что ничего не возьмёт, и тогда старуха сказала: «О мой любимый, знай, что правда – самая великая вещь, и эти милости, которые ты мне оказываешь, не иначе как из-за дела. Дай же мне узнать твоё дело и тайные твои мысли – может быть, у тебя есть в чем-нибудь нужда, и я помогу тебе её исполнить».

И тогда царевич положил свою руку в руку старухи, и взял с неё обет скрывать тайну, и поведал ей всю свою историю,

и рассказал о своей любви к царевне и о том, что с ним из-за неё происходит. И старуха покачала головой и сказала: «Вот она – правда! Но только, о дитя моё, сказали разумные в ходячей пословице: «Если хочешь, чтобы тебя не слушались, проси того, что невозможно». Твоё имя, о дитя моё, – купец, и будь у тебя ключи от волшебных кладов, тебя бы не называли иначе, как купцом. Если ты хочешь достичь ступени выше, чем твоя ступень, проси дочери кади или дочери эмира; почему, о дитя моё, ты просишь только дочери царя времени и века? Она девушка невинная, девственная, которая ничего не знает о мирских делах и в жизни не видела ничего, кроме дворца, где она находится, но, при малых своих годах, она умная, разумная, острая, понятливая, с превосходным разумом, благими поступками и проницательным мнением. Её отцу досталась только она, и она для него дороже души. Он каждый день приходит к ней и желает ей доброго утра, и все, кто есть во дворце, её боятся. Не думай же, о дитя моё, что кто-нибудь может заговорить с ней о чем-нибудь из этого, и нет для меня к этому пути. Клянусь Аллахом, о дитя моё, моё сердце и мои члены любят тебя, и я бы хотела, чтобы ты с ней остался. Я научу тебя кое-чему, может быть, Аллах сделает это исцелением твоего сердца; я подвергну опасности мою душу и моё достояние, чтобы исполнить твою нужду». – «А что это такое, о матушка?» – спросил царевич. И старуха ответила: «Проси у меня дочь везира или дочь эмира. Если ты у меня этого попросишь, я соглашусь на твою просьбу, – ведь

никто не может подняться с земли на небо одним прыжком». И юноша ответил старухе разумно и вежливо: «О матушка, ты женщина умная и знаешь, как происходят дела. Разве человек, когда у него болит голова, перевязывает себе руку?» – «Нет, клянусь Аллахом, о дитя моё», – отвечала старуха.

И Ардешир сказал: «Также и моё сердце не просит никого, кроме неё, и меня убивает одна лишь любовь к ней. Клянусь Аллахом, я буду в числе погибающих, если не найду себе наставления и помощи! Ради Аллаха, о матушка, пожалей меня, чужеземца, и моих льющих слез...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать вторая ночь

Когда же настала семьсот двадцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ардешир, сын царя, сказал старухе: «Ради Аллаха, о матушка, пожалей меня, чужеземца, и моих льющихся слез». И старуха ответила: «Клянусь Аллахом, о дитя моё, моё сердце разрывается из-за твоих слов, и нет у меня в руках хитрости, чтобы её устроить». – «Я хочу от твоей милости, чтобы ты взяла этот листок и доставила его царевне и поцеловала ей за меня руки», – сказал Ардешир. И старуха сжалилась над ним и молвила: «Пиши на нем что хочешь, а я доставлю его царевне».

И когда юноша услышал это, он едва не взлетел от радости и, потребовав чернильницу и бумагу, написал девушке такие стихи:

«Будь ты щедрой, о жизнь души⁵, на сближенье
Со влюблённым, растаявшим от разлуки.
В наслажденье я раньше жил, жил прекрасно,
Но сегодня взволнован я и растеряй.
Не покинут бессонницей во всю ночь я,
Развлекает всю ночь меня только горе.
Пожалей же влюблённого, что горюет
И тоскою разъедены его веки.
А наступит рассвет, когда в самом деле

⁵ Жизнь души (буквально – жизнь душ) – перевод имени Хайят-ан-Нуфус.

Опьянённым найдёт его влагой страсти».

А окончив писать письмо, Ардешир свернул его и поцеловал и отдал старухе, и затем он протянул руку к сундуку и, вынув другой кошелёк с сотней динаров, подал его женщине и сказал: «Раздай это невольницам». Но старуха отказалась и воскликнула: «Клянусь Аллахом, о дитя моё, я с тобою не из-за чего-нибудь такого!» И юноша поблагодарил её и сказал: «Это обязательно!» И старуха взяла у него кошелёк и поцеловала ему руки и ушла.

И она вошла к царевне и сказала: «О госпожа, я принесла тебе что-то, чего нет у жителей нашего города, и оно от красивого юноши, лучше которого нет на лице земли». – «О няня, а откуда этот юноша?» – спросила царевна. И старуха сказала: «Он из краёв индийских, и он дал мне эту одежду, шитую золотом, украшенную жемчугом и драгоценностями, которая стоит царства Кисры и Кесаря». И когда она развернула эту одежду, дворец осветился из-за неё, так она была хорошо сделана и так много было на ней камней и яхонтов, и стали дивиться на неё все, кто был во дворце, и царевна посмотрела на неё и не нашла за неё цены или платы, кроме подати с земли царства её отца за целый год».

«О нянюшка, – спросила она старуху, – это платье – от него или не от него?» – «Оно от него», – ответила старуха. И девушка молвила: «О няня, этот купец – из нашего города или иноземец?» – «Он иноземец, о госпожа, и поселился в

нашем городе только недавно, – ответила старуха. – Клянусь Аллахом, у него есть слуги и челядь, и он прекрасен лицом, строен станом и благороден по качествам, с широкою грудью, и я не видела никого лучше, разве кроме тебя». – «Поистине, это удивительно! – сказала царевна. – Как может быть такая одежда, цены которой не покрыть деньгами, у купца из купцов? А каков размер платы за неё, о которой он тебе говорил, о нянюшка?» – «О госпожа, – ответила старуха, – он не говорил мне о плате, а только сказал: «Я не возьму за неё платы, и эта одежда – подарок от меня царевне: она никому не подходит, кроме неё». И он отдал назад золото, которое ты со мной послала, и поклялся, что не возьмёт его, и сказал: «Оно твоё, если царевна его не примет». – «Клянусь Аллахом, это большое великодушие и великая щедрость, и я боюсь, что исход этого дела приведёт к беде, – сказала царевна. – Почему ты не спросила его, о нянюшка, нет ли у него в чем-нибудь нужды, чтобы мы ему исполнили её?» – «О госпожа, – ответила старуха, – я спрашивала его и говорила: «Есть у тебя нужда?» И он сказал: «У меня есть нужда», – но не осведомил меня о ней и только дал мне этот листок и сказал: «Передай его царевне».

И девушка взяла у старухи листок и развернула его и прочитала до конца, и изменился её вид, и исчезло её разумение, и пожелтел цвет её лица, и она сказала старухе: «Горе тебе, о няня, как зовут этого пса, который говорит такие слова царской дочери, и какая связь между мною и этим псом, что он

мне пишет. Клянусь великим Аллахом, владыкой Земзема⁶ и аль-Хатыма⁷, если бы я не боялась Аллаха, – велик он! – я бы послала к этому псу, чтобы связать ему руки, вырвать ноздри и отрезать нос и уши, и изуродовала бы его, а потом распяла бы на воротах рынка, в котором находится его лавка».

И когда старуха услышала эти слова, цвет её лица пожелтел, и у неё задрожали поджилки, и оцепенел язык, но потом она укрепила своё сердце и сказала: «Добро, о госпожа! А что же такое в этом листке, что он тебя так взволновал? Разве там не прошение, которое купец подал тебе, жалуясь на своё положение из-за бедности или несправедливости и надеясь на милость от тебя или раскрытие обиды?» – «Нет, клянусь Аллахом, о нянюшка, – ответила царевна, – наоборот, это стихи и бесчестные слова. Этот пёс, о нянюшка, видно пребывает в одном из трех положений. Либо это бесноватый, у которого нет разума, и он стремится к убиению своей души, либо ему в его нужде оказывает помощь человек с большою силою и великой властью, либо он услышал, что я – одна из блудниц этого города, которые ночуют у того, кто их позовёт, одну ночь или две, – он ведь посылает мне бесчестные стихи, чтобы смутить этим мой разум». – «Клянусь Аллахом,

⁶ Земзем – священный колодец в Мекке, вода которого, по мнению мусульман, является целебной.

⁷ Аль-Хатым – стена, расположенная к северо-западу от Каабы. Пространство между этой стеной и воротами Каабы некогда входило в пределы святилища и потому считается священным.

о госпожа, ты права! – сказала старуха. – Но не занимай себя этим глупым псом. Ты живёшь в своём дворце, высоком, возвышенном и неприступном, до которого не поднимаются птицы и не пролетает над ним воздух, смущённый его высотой. Напиши ему письмо и выбрани его, не оставляя ни одного из способов брани, угрожай ему крайними угрозами и предложи ему смерть. Скажи ему: «Откуда ты меня знаешь, что пинешь мне, о пёс из купцов, о тот, кто весь век мечется в степях и пустынях для наживы дирхема или динара? Клянусь Аллахом, если ты не проснёшься от сна и не очнёшься от опьянения, я распну тебя на воротах рынка, где находится твоя лавка!» – «Я боюсь, что, если я напишу ему, он на меня позарится», – отвечала царевна, и старуха воскликнула: «А каков его сан и какова его степень, чтобы он на нас позарился! Мы напишем ему только для того, чтобы пресеклось его желание и усилился его страх».

И она до тех пор хитрила с царевной, пока та не приказала принести чернильницу и бумагу и не написала юноше такие стихи:

«О ты, притязавший на страсть и тоску, без сна
Ночами страдающий в мечтах и волнении,
Ты требуешь от луны, обманутый, близости,
Но разве получит кто желанное от луны?
Тебя я наставила словами, так слушай же:
Брось это! Поистине меж смертью ты и бедой!
И если вернёшься вновь ты к просьбам, поистине

Постигнет тебя мученье очень жестокое.
Разумным будь, вежливым, догадливым, сведущим!
Тебе я совет дала в стихах и речах моих.
Клянусь сотворившим я все вещи из ничего,
Лик неба украсившим блестящими звёздами, —
Коль вновь возвратишься ты к словам, тобой сказанным,
Тебя на стволе распну я крепкого дерева!»

И потом она свернула письмо и отдала его старухе, и та взяла его и пошла и, придя к лавке юноши, отдала ему письмо...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать третья ночь

Когда же настала семьсот двадцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха взяла письмо у Хайят-ан-Нуфус и шла, пока не отдала его юноше, который был у себя в лавке. «Читай ответ, – сказала она ему, – и знай, что, когда царица прочитала письмо, она разгневалась великим гневом, и я смягчала её разговорами, пока она не дала тебе ответа». И юноша с радостью взял письмо, и прочитал его, и понял его смысл, а окончив чтение, он заплакал сильным плачем, и сердце старухи заболело, и она воскликнула: «О дитя моё, да не заставит Аллах плакать твои глаза и да не опечалит твоё сердце! Что может быть мягче, чем ответить на твоё письмо, раз ты совершил такие поступки?» – «О матушка» а какую мне сделать хитрость, тоньше этой, раз она присылает мне угрозы убить меня и распять и запрещает писать ей? – сказал юноша. – Клянусь Аллахом, я считаю, что смерть лучше, чем жизнь. Но я хочу от твоей милости, чтобы ты взяла этот листок и доставила его царице». – «Пиши, а на мне лежит ответ», – сказала старуха. «Клянусь Аллахом, я подвергну опасности свою душу, чтобы достигнуть желаемого, даже погибну, чтобы тебя удовлетворить».

И юноша поблагодарил старуху и поцеловал ей руки и написал царице такие стихи:

«Вы мне угрожаете убийством за страсть мою, –
Убитым я отдохну, а смерть суждена мне.
Влюблённому смерть приятней, если продлилась жизнь,
И гонят всегда его и вечно ругают.
Придите к влюблённому, защиты лишённому, –
Стремленья людей к добру всегда прославляют,
А если решитесь вы на дело, так делайте –
Я раб ваш, а все рабы в плену пребывают.
Как быть мне, коль без тебя терпенья не нахожу?
Как сердцу влюблённого при этом быть целым?
Владыки, помилуйте в любви к вам болящего,
Ведь всякий, кто полюбил свободных, – оправдал».

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и дал ей два кошелька, в которых было двести динаров, но она отказалась их взять, и юноша стал заклинять её, и она взяла деньги и сказала: «Я обязательно приведу тебя к желаемому, наперекор носу твоих врагов!»

И старуха пошла и вошла к Хайят-ан-Нуфус и отдала ей письмо, и царица спросила: «Что это такое, о нянюшка? Мы оказались в обмене посланиями, а ты ходить туда и назад! Я боюсь, что наше дело раскроется, и мы будем опозорены». – «А как так, о госпожа, и кто может говорить такие слова?» – сказала старуха, и девушка взяла у неё письмо, прочитала его и поняла его смысл, и тогда она ударила рукой об руку и воскликнула: «Поразило нас это бедствие! Мы не знаем,

откуда пришёл к нам этот юноша». — «О госпожа, — сказала старуха, — ради Аллаха, напиши ему письмо, но только будь с ним груба в словах и скажи ему: «Если ты пришлёшь письмо после этого, я отрублю тебе голову!» — «О нянюшка, — ответила царевна, — я знаю, что это таким образом не кончится, и самое подходящее — не писать. И если этот пёс не отступится из-за прежних угроз, я огрублю ему голову». — «Напиши ему письмо и осведоми его об этом», — сказала старуха. И царевна потребовала чернильницу и бумагу и написала, угрожая ему, такими стихами:

«О ты, забывающий превратности злой судьбы,
Чьё сердце влюблённое желает сближенья,
Взгляни, о обманутый, — достигнешь ли неба ты,
И можешь ли ты достать до месяца светлого,
Я сжарю тебя в огне, где пламя всегда горит,
И будешь мечами ты разящими умерщвлён.
До месяца расстоянье, друг мой, предальнее,
И станет седой глава от дел, здесь таящихся.
Прими же ты мой совет и страсть позабудь свою,
От дел откажись таких, — они не подходят нам».

И она свернула письмо и подала его старухе, а сама была в диковинном состоянии из-за этих слов, и старуха взяла письмо и шла, пока не принесла его юноше. И она отдала ему письмо, и Ардешир взял его и прочитал и опустил голову к земле, чертя по полу пальцем и ничего не говоря. И стару-

ха спросила: «О дитя моё, почему это ты не обращаешься с речью и не даёшь ответа?» – «О матушка, – отвечал Ардешир, – что я скажу, когда она угрожает и становится лишь более жестокой и неприязненной?» – «Напиши ей в письме что хочешь, а я буду тебя защищать, и станет твоему сердцу вполне хорошо, и я непременно сведу вас», – сказала старуха. И Ардешир поблагодарил её за милость и поцеловал ей руки и написал царевне такие стихи:

«Аллах, защити сердца, к влюблённым не мягкие,
И любящего, сближенья с милым ждущего!
И веки очей, от слез покрытые язвами,
Когда покрывает их спустившейся ночи мрак.
Так сжальтесь и смилуйтесь и будьте щедры к тому,
Кого изнурила страсть в разлуке с любимой!
Лежит он всю ночь, не зная сна или отдыха,
Сгорел он, хоть в море слез давно погрузился он.
Желаний не пресекай ты сердца! Поистине
Тоскует в плену оно, трепещет в руках любви!»

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и дал ей триста динаров, говоря: «Это тебе на мытьё рук». И старуха поблагодарила его и поцеловала ему руки и отправилась, и она вошла к царевне и отдала ей письмо. И девушка взяла его и прочитала до конца и отшвырнула прочь и поднялась на ноги и пошла в башмачках из золота, украшенных жемчугами и драгоценными камнями. И она прошла во дворец к

своему отцу (а жила гнева поднялась у неё меж глаз, и никто не отваживался спросить её, что с ней) и, придя ко дворцу, спросила, где царь, её родитель, и невольницы и наложницы сказали: «О госпожа, он выехал на охоту и ловлю».

И она возвратилась, точно кровожадный лев, и ни с кем не заговорила раньше чем через три часа, когда её лицо прояснилось и утих гнев. И когда старуха увидела, что прошло охватившее её огорчение и гнев, она подошла к ней и поцеловала землю меж её рук и спросила: «О госпожа, куда направляла ты свои благородные шаги?» – «Во дворец моего отца», – ответила царевна, и старуха молвила: «О госпожа, а разве никто не мог исполнить твоего повеления?» – «Я выходила только для того, чтобы осведомить его о том, что случилось у меня с этим псом из купцов, и отдать его во власть моему отцу, чтобы он его схватил и всех, кто есть на рынке, и распял бы их на лавках и не позволил бы никому из купцов и чужеземцев оставаться в нашем городе», – отвечала девушка. «Ты ходила к твоему отцу, о госпожа, только по этой причине?» – спросила старуха. И девушка ответила: «Да, но я не нашла его здесь, а увидела, что он отсутствует и выехал на охоту и ловлю, и ожидаю его возвращения». – «Прибегаю к Аллаху, слышащему, знающему! – воскликнула старуха. – О госпожа, слава Аллаху, ты самая умная из людей, и как ты осведомишь царя об этих вздорных словах, которых никому не подобает разглашать?» – «А почему нет?» – спросила царевна, и старуха сказала: «Допусти, что ты нашла бы царя в

его дворце и осведомила бы его об этих речах, он послал бы за купцами и велел бы их повесить на их лавках, и люди увидели бы их, и все стали бы спрашивать и говорить: «Почему их повесили?» И мы им сказали бы в ответ: «Они хотели испортить царскую дочь...»

И Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать четвёртая ночь

Когда же настала семьсот двадцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха сказала царевне:

«Допусти, что ты осведомишь об этом царя и он прикажет повесить купцов. Разве люди не увидят и не спросят: «Почему их повесили?» – и им не скажут в ответ: «Они хотели испортить дочь царя». И люди станут передавать о тебе разные рассказы, и некоторые скажут: «Она сидела у них десять дней, исчезнув из дворца, пока они ею не насытились», – а другие скажут иное, а честь, о госпожа, как молоко – малейшая пыль её грязнит, и как стекло – когда оно треснет, его не скрепить. Берегись же рассказывать твоему отцу или кому другому об этом деле, чтобы не опорочить свою честь, о госпожа, и осведомление людей об этом деле не принесёт тебе никакой пользы. Разберись в этих словах своим совершенным разумом, и если не найдёшь их правильными, делай что пожелаешь».

И когда царевна услышала от старухи эти слова, она обдумала их и нашла до крайности верными и молвила: «То, что ты сказала, о нянюшка, правильно, и гнев ослепил мне сердце». – «Твоё намерение прекрасно для Аллаха великого, раз ты никому не расскажешь, – сказала старуха, – но осталась ещё одна вещь. Мы не станем молчать о бесстыдстве этого

пса, низайшего из купцов. Напиши ему письмо и скажи ему: «О низайший из купцов, если бы не случилось так, что царь отсутствует, я бы тотчас же приказала распять тебя и всех твоих соседей. Ничто из этого тебя не минует. Клянусь великим Аллахом, если ты вернёшься к подобным речам, я срежу твой след с лица земли». И будь с ним грубой в речах, чтобы отвлечь его от такого дела, и пробуди его от беспечности». – «А разве он отступится от того, что делает, из-за таких слов?» – сказала царица. И старуха ответила: «А как ему не отступить, когда я поговорю с ним и осведомлю его о том, что случилось?»

И царица потребовала чернильницу и бумагу и написала юноше такие стихи:

«Надеждою привязался к близости с нами ты
И хочешь от нас теперь желанное получить.
Убит человек бывает лишь слепотой своей,
И то, чего жаждет он, его приведёт к беде.
Султаном ведь не был ты и не был наместником.
Ни силы нет у тебя, ни мощных сторонников,
И если бы сделал так один из подобных нам,
От ужасов и боев он стад бы совсем седым,
Но все же прошу теперь я то, что содеял ты, –
Быть может, от сей поры во всем ты расквесишься».

И она подала письмо старухе и сказала ей: «О нянюшка, удержи этого пса, чтобы я не отрубила ему голову и мы бы не

впали из-за него в грех». И старуха воскликнула: «Клянусь Аллахом, о госпожа, я не оставлю ему бока, чтобы перевернуться».

И она взяла письмо и пошла с ним и, придя к юноше, приветствовала его. И Ардешир возвратил ей приветствие, и тогда она подала ему письмо. И юноша взял его и прочитал и покачал головой и воскликнул: «Поистине мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! – А потом сказал: – О матушка, что мне теперь делать, когда малым стало моё терпение и ослабла моя стойкость?» – «О дитя моё, – сказала старуха, – внуши себе терпение: может быть, Аллах свершит после этого дело. Напиши ей то, что у тебя на душе, а я принесу тебе ответ. Успокой свою душу и прохлади глаза, я непременно сведу тебя с ней, если захочет Аллах великий».

И Ардешир пожелал старухе блага и написал девушке письмо, в котором заключались такие стихи:

«Когда не найду в любви и страсти я лекаря, –
А страсть убиение и смерть мне приносит, –
Мне пламя огня в груди придётся тогда терпеть
Порою дневной, а в ночь не лягу на ложе я,
Почто не боюсь тебя, желаний моих предел,
И то, что в любви терплю, терпеть соглашаюсь?
Просил я у господ престола прощения –
Ведь страстью к красавицам повергнут я в гибель, –
Чтоб скоро сближение послал он на радость мне,
Ведь ужасами любви теперь поражён я».

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и выложил ей кошелёк с четырьмястами динаров, и она взяла все это и ушла. И она пришла к царской дочери и отдала ей письмо, но девушка не взяла его от неё и спросила: «Что это за листок?» И старуха ответила: «Это ответ на письмо, которое ты послала этому псу купцу». – «Ты запрещаешь ему, как я тебя учила?» – спросила царица. И старуха молвила: «Да, и вот его ответ».

И царица взяла от неё письмо и прочитала его до конца, а потом она обернулась к старухе и сказала: «Где же польза от твоих слов?» – «О госпожа, в том, что он говорит в ответе, что отступился и раскаялся и извиняется за прежнее», – ответила старуха. И царица воскликнула: «Нет, клянусь Аллахом! Наоборот, он ещё прибавил!» – «О госпожа, – сказала старуха, – напиши ему письмо, и ты скоро узнаешь, что я с ним сделаю». – «Мне нет нужды ни в письме, ни в ответе», – молвила девушка. И старуха воскликнула: «Необходимо ответить, чтобы я его выбрала и пресекла его надежду». – «Пресеки его надежду, не беря с собою письма», – сказала царица. И старуха молвила: «Чтобы выбрать его и пресечь надежду, мне надо захватить письмо».

И царица потребовала чернильницу и бумагу и написала Ардеширу такие стихи:

«Продлились укоры, но упрек не сдержал тебя,

А сколько писала я стихов, запрещая!
Скрывай же свою любовь, её не высказывай,
А будешь ослушником, – тебя не покрою.
И если вернёшься ты к речам, тобой сказанным,
Глашатай о гибели твоей возвестит нам.
И ветры ты над собой увидишь летящие,
И птицы в песках пустынь к тебе соберутся.
Вернись же к делам благим, – наступит спасение,
А хочешь ты мерзости, – тебя погублю я».

А окончив писать, она бросила листок, гневная, и старуха взяла его и пошла. И она пришла к юноше, и тот взял у неё письмо и, прочитав его до конца, понял, что царица не смягчилась к нему и стала лишь ещё более гневной и что он её не достигнет. И пришла ему в сердце мысль написать ей ответ и призвать на неё зло, и он написал ей такие стихи:

«Господь, пятью старцами молю я – спаси меня
От той, что повергла меня любовью в несчастья!
Ты знаешь ведь, что во мне любовный огонь горит,
И болея я из-за той, в ком нет ко мне жалости.
Она не смягчается ко мне в моих бедствиях –
Продлятся ль над слабостью моей притеснения?
Блуждаю в пучинах я любви и влечения к ней,
Помощника не найду, о люди, чтоб мне помочь.
И часто на ложе сна, как спустится мрак ночной,
Лежу и рыдаю я и тайно и явно.
В любви к вам не вижу я ни в чем утешения,

И как мне утешиться, коль стойкости нет в любви?
О птица разлуки, Расскажи мне – свободна ли
Она от превратностей судьбы и несчастья!»

И затем он свернул письмо и отдал его старухе и дал ей кошелек с пятью сотнями динаров, и она взяла листок и ушла. И она вошла к царевне и отдала ей листок, и когда девушка прочитала его и поняла, она бросила его и сказала: «Осведоми меня, о злая старуха, о причине всего того, что случилось со мною из-за тебя и твоих козней и похвал ему! Я пишу для тебя листок за листком, и ты все время носишь от нас послания, так что устроила ему с нами переписку и всякие истории. Ты все время говоришь: «Я избавлю тебя от его зла и прерву его речи к тебе, – но говоришь это только для того, чтобы я написала ему письмо, и ты ходишь между нами туда и сюда, так что опорочила мою честь. Горе вам, эй, слуги, схватите её!»

И она велела слугам бить старуху, и те били её до тех пор, пока кровь не потекла из всего её тела и её не покрыло беспомощество. И тогда царевна велела невольницам её вытащить, и старуху вытащили за ноги в конец дворца. И царевна приказала одной из невольниц стоять возле старухи и, когда она очнётся от забытья, сказать ей: «Царевна дала клятву, что ты не вернёшься в этот дворец и не войдёшь в него, а если ты вернёшься, она велит тебя убить, разрубив на куски». И когда старуха очнулась от забытья, невольница передала ей,

что сказала царица, и старуха ответила: «Внимание и повиновение!» А потом невольницы принесли корзину и велели носильщику снести старуху к ней, и носильщик поднял старуху и доставил её домой, и царица послала к ней лекаря и велела ему заботливо лечить старуху, пока она не поправится. И лекарь послушался её приказания, и когда старуха оправилась, она села и поехала к юноше, а тот сильно опечалился из-за того, что она его покинула, и тосковал по вестям о ней. И, увидев старуху, он поднялся и встал для неё и встретил её и пожелал ей мира, и увидел, что она ослабела. И он спросил её, что с ней, и старуха рассказала ему обо всем, что случилось у неё с царицей, и юноше стало из-за этого тяжело, и он ударил рукою об руку и воскликнул: «Клянусь Аллахом, тяжко мне то, что с тобою случилось! Но какова причина того, о матушка, что царица ненавидит мужчин?»

«О дитя моё, – сказала старуха, – знай, что у неё прекрасный сад, лучше которого нет на лице земли, и случилось, что она спала в нём в одну ночь из ночей. И когда царица была в сладком сне, она вдруг увидела сновидение: как спустилась она в сад и заметила охотника, который расставил сети и рассыпал вокруг пшено и сел поодаль, смотря, какая попадёт в сети дичь. И прошло не более часа, и собрались птицы, подбирая пшено, и попала в сети птица-самец и стала в них биться. И птицы разлетелись от него, и в числе их была его самка, но она удалилась от него на недолгое время и вернулась к нему я, подлетев к сети, стала трудиться над той пе-

телькой, в которую попала нога птицы, и до тех пор старалась над ней клювом, пока не разорвала её и не освободила своего самца. А охотник при всем этом сидел и дремал. И он очнулся и посмотрел на сеть и, увидев, что она испорчена, поправил её и снова рассыпал пшено и сел вдалеке от сети. И через некоторое время птицы собрались возле неё, и в числе их была та самка с самцом. И птицы подошли клевать зёрнышки, и вдруг самка попала в сеть и стала в ней биться, и все голуби отлетели от неё, и среди них был её самец, которого она спасла, и он к ней не вернулся. А охотника одолел сон, и он проснулся только через долгое время, и, проснувшись от сна, он увидел птицу, которая была в сети, и поднялся и, подойдя к ней, высвободил её ноги из сети и убил её. И царица проснулась, испуганная, и сказала: «Так-то поступают мужчины с женщинами! Женщина жалеет мужчину и бросается к нему, когда он в беде, а потом, когда определит ей владыка и она попадает в беду, мужчина проходит мимо неё, не освобождая её, и пропадает благо, которое она ему сделала. Прокляни же Аллах того, кто доверяется мужчинам! Они не помнят блага, которое оказывают им женщины». И с того дня она стала ненавидеть мужчин».

«О матушка, – спросил царевич старуху, – разве она никогда не выходит на дорогу?» – «Нет, о дитя моё, – отвечала старуха, – но у неё есть сад (а это лучшее место для прогулок в наше время), и каждый год, когда созреют в нем плоды, она сходит и гуляет там один день. А ночует она только в своём

дворце и входит в сад только через потайную дверь, которая ведёт в сад. Я хочу кое-чему научить тебя, и если захочет Аллах, для тебя будет в этом благо. Знай, что до времени плодов остался один месяц, и тогда царица спустится погулять в сад, и я наказываю тебе: сегодня же пойдёшь к садовнику этого сада и завяжи с ним дружбу и любовь. Он не даёт никому из созданий Аллаха великого войти в этот сад, так как он примыкает ко дворцу царицы, а когда царица сойдёт в сад, я осведомлю тебя об этом за два дня, и ты пойдёшь туда, по твоему обычаю, и войдёшь в сад и ухитришься там переночевать. И когда царица сойдёт, ты спрячешься в каком-нибудь месте...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать пятая ночь

Когда же настала семьсот двадцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха научила царевича и сказала ему: «Царевна спустится в сад, и за два дня до её выхода я уведомяю тебя. И когда она спустится, ты будешь там и спрячешься в каком-нибудь месте. Когда ты увидишь её – выходи к ней; увидев тебя, она тебя полюбит, а любовь покрывает все. И знай, о дитя моё, что, если бы она тебя увидела, она бы наверное пленилась любовью к тебе, так как ты красив видом. Прохлади же глаза и успокой свою душу, о дитя моё, – я непременно сведу тебя с нею».

И царевич поцеловал старухе руку и поблагодарил её и дал ей три отреза александрийского шелка и три отреза атласа разных цветов, и с каждым отрезом был и другой кусок на шальвары и платок на повязку и баальбекская материя на подкладку, так что у старухи оказались три полных перемены платья, одна лучше другой. И царевич дал ей кошелек с шестьюстами динаров и сказал: «Это на шитьё». И старуха взяла все это и спросила: «О дитя моё, хочешь ли ты знать дорогу к моему дому, и чтобы я тоже знала, где ты живёшь?» И царевич отвечал: «Да». И послал с ней невольника, чтобы тот узнал, где её жилище, и показал ей его дом. И когда старуха отправилась, царевич вышел и велел своим слугам запирать лавку и пошёл к везиру и осведомил его о

том, что случилось у него со старухой, от начала до конца, и, услышав слова царевича, везирь сказал: «О дитя моё, а если Хайят-анНуфус выйдет и не будет тебе от неё благоприятной встречи, что ты тогда сделаешь?» – «У меня не будет в руках иной хитрости, как перейти от слова к делу, – ответил царевич. – Я подвергну себя с нею опасности и похищу её среди её слуг и посажу её, сзади, на моего коня и направлюсь с ней в ширь пустынной степи, и если я спасусь, – желаемое достигнуто, а если погибну, то отдохну от этой жалкой жизни». – «О дитя моё, – сказал везирь, – разве с таким умом ты проживёшь? Как мы поедem, когда между нами и нашей страной далёкое расстояние, и как ты сделаешь такие дела с царём из царей времени, под властью которого сто тысяч поводьев? Нам, может быть, грозит, что он прикажет кому-нибудь из своих войск пресечь нам дороги. Это не полезное дело, и его не совершит разумный». – «Как же поступить, о везирь благого разума? Я несомненно умру», – молвил царевич, и везирь сказал: «Потерпи до завтра, пока мы не увидим этого сада и не узнаем, каковы там обстоятельства и что произойдёт у нас с садовником».

И когда наступило утро, везирь поднялся с царевичем и положил за пазуху тысячу динаров, и они шли, пока не дошли до сада, и увидели, что стены его высоки и крепко сложены, и деревья в нем многочисленны, и каналы полноводны, и плоды прекрасны, и цветы в нем благоухали, и птицы в нем распевали, и был он подобен саду из райских садов. А

за воротами его был человек – престарелый старец, который сидел на скамье. И когда он увидел их и заметил их почтённый вид, он поднялся на ноги, после того как они пожелали ему мира, и вернул им пожелание и сказал: «О господа мои, может быть, у вас есть нужда, которую я почту за честь исполнить?» И везирь ответил: «Знай, о старец, что мы люди чужеземные, и зной опалил нас, и жилище наше далеко, в конце города. Мы желаем, чтобы ты, твоя милость, взял эти два динара и купил нам чего-нибудь поесть и открыл бы нам ворота этого сада, и мы бы могли посидеть в тени, где есть холодная вода, и прохладиться, пока ты принесёшь нам еду. Мы поедим с тобою и тем временем отдохнём и уйдём своей дорогой».

И потом везирь сунул руку за пазуху и, вынув два динара, положил их в руку садовника, а этому садовнику было семьдесят лет жизни, и он не видывал у себя в руке ничего такого. И когда он увидал динары в своей руке, его разум улетел, и он сейчас же поднялся и отпер ворота и ввёл везиря с юношей и посадил их под дерево, покрытое плодами и дававшее большую тень, и сказал: «Сидите в этом месте, но ни за что не входите в сад. Там есть потайная дверь, которая ведёт в дворец царевны Хайят-анНуфус». – «Мы не сойдём с места», – сказали они ему.

И старик садовник пошёл купить им то, что они велели, и отсутствовал некоторое время, а потом он пришёл к ним с носильщиком, у которого на голове был жареный барашек

и хлеб, и они поели вместе и выпили и поговорили немного, а потом везирь осмотрелся и стал оборачиваться направо и налево, смотря во все стороны сада, и увидел в глубине его дворец, который был высоко построен, но обветшал, и со стен его облупилась извѣстка, и углы его обвалились. «О старец, – спросил тогда везирь, – этот сад – твоя собственность или ты его нанимаешь?» – «О владыка, – ответил садовник, – он не моя собственность, и я его не нанимаю. Я его только сторожу». – «А какое у тебя жалованье?» – спросил везирь. И садовник ответил: «О господин, каждый месяц – динар». – «Тебя обидели, особенно если ты семейный», – сказал везирь. И старец воскликнул: «Клянусь Аллахом, о господин, у меня семья – восьмеро детей да я сам». – «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! – воскликнул везирь. – Клянусь Аллахом, ты обременил меня своей заботой, о бедняга! Но что ты скажешь о том, кто сделает с тобой благое ради твоей семьи, которая с тобою?» – «О владыка, – отвечал старец, – что бы ты ни сделал благого, это будет для тебя сокровищем у Аллаха великого». – «Знай, о старец, – сказал везирь, – что этот сад – красивое место и в нем стоит этот дворец, но только он ветхий, развалившийся. Я хочу его поправить и выбелить и выкрасить, чтобы это место стало самым прекрасным во всем саду. И когда придѣт хозяин сада и увидит, что дворец отстроен и стал красивым, он непременно спросит тебя, кто его отстроил, и если он тебя спросит, скажи ему: «Это я, о владыка, его отстроил.

Я видел, что он развалился и никто им не пользуется и не может в нем жить, так как он разрушен и заброшен, и вот я и отстроил его и потратился». А если он тебе скажет: «Откуда у тебя деньги, которые ты на него истратил?» – скажи: «Из моих собственных денег. Я хотел обелить перед тобою лицо и надеялся на твою милость». И он непременно наградит тебя за то, что ты потратил на дворец. А завтра я позову строителей, штукатуров и маляров, чтобы они привели это место в порядок, и дам тебе то, что обещал». И он вынул из-за пазухи мешок, в котором было пятьсот динаров, и сказал садовнику: «Возьми эти динары и трать их на твою семью, и пусть они призовут благо на меня и на моего сына». И царевич спросил его: «Какая этому причина?» И везирь сказал: «Тебе скоро станет ясна польза от этого...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать шестая ночь

Когда же настала семьсот двадцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь дал старику садовнику, который был в саду, пятьсот динаров и сказал ему: «Возьми эти динары и их накорми семью» и пусть они призовут благо на меня и на моего сына». И старик посмотрел на золото, и его ум вышел, и он бросился к ногам везиря и стал их целовать, желая блага везирю и его сыну, а когда они уходили, он сказал им: «Завтра я буду вас ожидать, и пусть не разлучит меня с вами Аллах великий ни ночью, ни днём!»

И наступил следующий день, и везирь пошёл на то место и велел позвать начальника строителей. И когда тот явился, везирь взял его и отправился в сад, и, увидев его, садовник обрадовался. А везирь дал начальнику денег на содержание рабочих и на то, что им было нужно для починки дворца, и они его отстроили, побелили и покрасили, и тогда везирь сказал малярам: «О мастера, прислушайтесь к моим словам и поймите мою цель и намерения. Знайте, что у меня есть сад, такой же, как это место, и я спал в нем однажды ночью и увидел во сне, что охотник расставил сети и рассыпал вокруг них пшено. И собрались птицы, чтобы клевать пшено, и попал один самец в сеть, и все птицы разлетелись от него, и между ними была самка этого самца. И самка исчезла на

некоторое время, а потом вернулась одна и разорвала петлю, в которой была нога самца, и освободила его, и он улетел. А охотник в это время спал, и, проснувшись от сна, он увидел, что сеть не в порядке, и поправил её, и снова, во второй раз, насыпал пшено и сел поодаль, ожидая, пока в его сеть попадёт дичь. И птицы прилетели клевать зерно и подошли к сети, и самка была среди них, и она запуталась в сети, и улетели от неё все птицы, среди которых был и её самец. И он не вернулся к ней, и охотник подошёл и взял птичку и зарезал её. А что касается самца, то, когда он улетел с птицами, его схватил хищник из хищников и убил его и выпил его кровь и съел его мясо. И я желаю от вас, чтобы вы нарисовали мне весь этот сон в том виде, как я вам говорил, хорошим маслом. Изобразите эту картину в саду, с его стенами, деревьями и птицами, и нарисуйте изображение охотника и его сети и все, что случилось у самца с хищником, когда тот его схватил. И когда вы сделаете то, что я вам объяснил, и я увижу картину и она мне понравится, я награжу вас, сверх платы, тем, что обрадует вам сердце». И когда маляры услышали слова везиря, они стали трудиться над раскраской и сделали её совершённой до предела. И когда это было кончено и завершено, они показали картину везирю, и она ему понравилась, и он увидел, что сон, который он описал малярам, нарисован словно это на самом деле, и поблагодарил их и наградил обильными наградами.

А потом пришёл царевич, по своему обычаю, и подошёл

к этому дворцу (а он не знал о том, что сделал везирь) и посмотрел на него, и увидел изображение сада и охотника, сети, и птиц, и самца, который был в когтях хищника, и тот убил его и выпил его кровь и съел его мясо. И смутился ум царевича, и он вернулся к везирию и сказал ему: «О везирь благого разума, я увидел сегодня такое чудо, что, будь оно написано иглами в уголках глаза, оно было бы назиданием для поучающихся». – «А каково оно, о господин?» – спросил везирь, и юноша ответил: «Рассказывал ли я тебе о сне, который видела царевна, и о том, что он был причиной её ненависти к мужчинам?» – «Да, рассказывал», – отвечал везирь. И юноша воскликнул: «Клянусь Аллахом, о везирь, я увидел этот сон изображённым среди того, что нарисовано здесь маслом, так, будто вижу его воочию, и увидел я нечто другое, что осталось скрытым от царевны и чего она не видела, и на это следует опираться, чтобы достичь желаемого!» – «А что же это, о дитя моё?» – спросил везирь. И юноша сказал: «Я увидел, что самца, который улетел от самки, когда она попала в сеть и не вернулся к ней, схватил хищник и убил его и выпил его кровь и съел его мясо. О, если бы царевна увидела весь сон целиком и всю историю до конца и увидела бы, что самца схватил хищник, и в этом причина того, что он не вернулся к самке и не освободил её из сети!» – «О счастливый царь, – воскликнул везирь, – клянусь Аллахом, это поистине дивное дело, и принадлежит оно к диковинам!» А царевич дивился этому рисунку маслом и жалел, что царевна

не увидела сна до конца, и говорил про себя: «О, если бы она увидела этот сон до конца или увидела бы его целиком второй раз, хотя бы в пучках сновидений!» А везирь сказал ему: «Ты спрашивал меня: «Почему ты строишь в этом месте?» И я ответил: «Тебе станет ясна польза от этого». И теперь тебе стало ясно, в чем тут польза. Это я сделал такое дело, и я велел малярам изобразить тот сон и нарисовать самца в когтях хищника, который убил его и выпил его кровь и съел его мясо. И когда царица спустится и посмотрит на этот рисунок, она увидит изображение и увидит самца, которого убил хищник, и простит его и перестанет ненавидеть мужчин».

И царевич, услышав эти слова, поцеловал везирю руки и поблагодарил его за его дело и воскликнул: «Подобный тебе да будет везирем царя величайшего! Клянусь Аллахом, если я достигну желаемого и вернусь радостный к царю, я осведомлю его об этом, чтобы он оказал тебе ещё большее уважение и возвысил твой сан и слушал бы твои слова». И везирь поцеловал у него руку, и потом они пошли к старику садовнику и сказали ему: «Посмотри на это место – как оно прекрасно!» И старик воскликнул: «Все это по вашему счастью!» – «О старец, – сказали они потом, – если спросят тебя хозяева этого места, кто отстроил этот дворец, скажи им: «Я отстроил его на свои деньги, чтобы досталось тебе благо и награда». И старик отвечал: «Слушаю и повинуюсь».

И царевич не оставлял этого старика, и вот что случилось с везирем и царевичем.

Что же касается Хайят-ан-Нуфус, то, когда прекратились письма к ней и послания и исчезла старуха, она обрадовалась сильной радостью и подумала, что юноша уехал в свою страну. И когда наступил какой-то день, принесли ей покрытое блюдо от её отца. И, открыв его, она нашла в нем прекрасные плоды. И она спросила и сказала: «Разве пришло время для этих плодов?» И ей ответили: — «Да». И тогда она воскликнула: «Что, если бы мне приготовиться к прогулке в саду!...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать седьмая ночь

Когда же настала семьсот двадцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царевна, когда её отец послал к ней плоды, спросила и сказала: «Разве пришло время этик плодов?» И ей ответили: «Да».

И тогда она воскликнула: «Что, если бы нам приготовиться к прогулке в саду!» И её невольницы сказали ей: «Прекрасная мысль, о госпожа! Клянёмся Аллахом, мы стосковались по этому саду». И царевна спросила: «Как же поступить? Ведь каждый год нас водит по саду и показывает нам в нем разные деревья только няня, а я прибила её и запретила ей ходить ко мне. Я раскаиваюсь в том, что из-за меня с нею было, так как она, при всех обстоятельствах, моя няня и я обязана ей воспитанием. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»

И когда невольницы услышали от царевны такие слова, они все поднялись и поцеловали землю меж её рук и сказали: «Ради Аллаха, о госпожа, прости её и прикажи её привести!» И царевна ответила: «Клянусь Аллахом, я решилась на это дело! Кто же из вас пойдёт к ней? Я приготовила ей роскошную одежду».

И подошли к царевне две невольницы, одну из которых звали Бульбуль, а другую звали Савад-аль-айн⁸ а это были

⁸ Бульбуль – соловей; Савад-аль-айн – чернота глаза.

старшие невольницы царевны и приближённые к ней, и они обладали красотой и прелестью), и сказали: «Мы пойдём к ней, о царевна». И девушка молвила: «Делайте, что вам вздумается!»

И они пошли к дому няньки и постучали в ворота и вошли к ней, и, узнав их, старуха встретила их объятиями и приветствовала их, и когда невольницы уселись, они сказали: «О нянюшка, царевна произнесла прощение и смиловалась над тобой». И старуха воскликнула: «Не будет этого никогда, хотя бы меня напоили из чаш смерти! Разве я забыла, как меня пытали перед любящими и ненавистниками, когда окрасилась моя одежда кровью и я чуть не умерла от жестоких побоев, а затем меня потащили за ноги, точно дохлую собаку, и выбросили за ворота! Клянусь Аллахом, я не вернусь к ней никогда и не наполню моих глаз её видом!» И невольницы сказали ей: «Не делай нашего старания напрасным! Где же твоё уважение к нам? Посмотри, кто к тебе явился и вошёл к тебе, – разве ты хочешь кого-нибудь, кто выше нас по положению у царевны?» И старуха воскликнула: «Прибегаю к Аллаху! Я знаю, что мой сан меньше вашего, но только царевна возвысила мой сан в глазах своих невольниц и слуг, и когда я сердилась на самую старшую из них, она умирала живьём». – «Дело осталось как было и ни в чем не изменилось – напротив, оно ещё лучше, чем ты думаешь, – сказали невольницы. – Царевна унизилась перед тобой и ищет мира без посредников».

«Клянусь Аллахом, – воскликнула старуха, – если бы не ваш приход ко мне, я бы к ней не вернулась, хотя бы она приказала меня убить!»

И невольницы поблагодарили её за это, и старуха тотчас же поднялась и надела свою одежду и вышла с ними. И они шли вместе, пока старуха не вошла к царевне, и когда она вошла к ней, царевна поднялась на ноги, а нянька воскликнула: «Аллах, Аллах, о царевна, – ошибка от меня или от тебя?» – «Ошибка от меня, а прощение и милость – от тебя, – сказала царевна. – Клянусь Аллахом, о нянюшка, твой сан у меня высок, и я обязана тебе воспитанием. Но ты знаешь, что Аллах – велик он и славен! – определил тварям четыре вещи: сотворение, жизнь, надел и срок, и не во власти человека отвортить приговор. Я не совладала со своей душой и не могла удержать её, и я раскаялась в том, что сделала, о нянюшка!»

И тогда прошёл гнев, охвативший старуху, и она поднялась и поцеловала землю меж рук царевны, и та приказала подать роскошную одежду и облачила в неё старуху, и старуха до крайности обрадовалась этой одежде, – ведь евнухи и невольницы стояли перед ней. И когда собрание закончилось, царевна спросила: «О нянюшка, как обстоит дело с плодами и нашими плодовыми рощами?» И старуха ответила: «Клянусь Аллахом, о госпожа, я видела большинство плодов в городе, и сегодня я разужнаю об этом деле и дам тебе ответ». И она вышла от царевны, удостоившись величайшего

почёта, и отправилась и пришла к царевичу, и тот радостно встретил старуху и обнял её и возвеселился из-за её прихода. И сердце его расправилось, так как он долго ожидал, когда её увидит. И старуха рассказала ему о том, что случилось у неё с царевной, и о том, что царевна хочет спуститься в сад в такой-то день...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двадцать восьмая ночь

Когда же настала семьсот двадцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха пришла к царевичу и рассказала ему о том, что у неё случилось с царевной Хайят-ан-Нуфус и о том, что та спустится в сад в такой-то день, и спросила: «Сделал ли ты то, что я тебе велела с привратником сада и достигло ли его что-нибудь из твоей милости?» – «Да, – отвечал царевич. – Он стал моим другом, и его путь – мой путь, и у него на уме, чтобы случилось у меня какое-нибудь до него дело». И потом он рассказал ей, что произошло у него с везирем и как тот велел нарисовать сон, виденный царевной, и дело с охотником, сетью и хищником, и когда старуха услышала его речи, она обрадовалась сильной радостью и сказала царевичу: «Заклинаю тебя Аллахом, пусть будет твой везирь посредине своего сердца – его поступки указывают на полноту его ума, и он помог тебе в достижении желаемого. Поднимайся сейчас же, о дитя моё, сходи в баню и надень самую роскошную твою одежду – у нас не осталось хитрости больше этой – и ступай к привратнику и сделай с ним хитрость, чтобы он дал тебе переночевать в саду – если бы ему наполнили всю землю золотом, он бы не дал никому войти в сад. А когда войдёшь, спрячься, чтобы не видели тебя глаза, и сиди, спрятавшись, пока не услышишь, как я скажу: «О тайно милостивый, спаси нас от того,

что нас страшит!» И тогда выйди из-под прикрытия и покажи свою красоту и прелесть и спрячься между деревьями, ведь твоя красота смущает луны. Когда царевна Хайят-ан-Нуфус увидит тебя, её сердце и члены наполнятся любовью к тебе и ты достигнешь того, чего хочешь и желаешь, и забота твоя пройдёт». И юноша сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И вынул кошелёк, в котором была тысяча динаров, и старуха взяла его и ушла. А царевич в тот же час и минуту вышел и пошёл в баню и вымылся и надел лучшую одежду из одежд царей Хосроев и подпоясался поясом, в который он набрал всяких драгоценных камней, и надел тюрбан, вышитый нитками червонного золота и окаймлённый жемчугом и яхонтами. И щеки его горели, и уста его алели, и глаза его пленяли газелей, и он покачивался словно захмелевший, и покрыла его красота и прелесть, и позорил ветви его гибкий стан.

И царевич положил за пазуху мешок, в котором была тысяча динаров, и пришёл к саду. Он постучал в ворота, и привратник откликнулся и отпер ворота и, увидав царевича, сильно обрадовался и приветствовал его самым пышным приветом. И он увидел, что лицо юноши нахмурено, и спросил его, что с ним, и царевич сказал: «Знай, о старец, что я у моего отца в почёте и он никогда не касался меня рукой до сегодняшнего дня. У нас с ним случился разговор, и он выбранил меня и ударил меня по лицу и побил палкой и выгнал, и я не знал ни одного друга и испугался обмана времени, а ты знаешь, что гнев родителей – дело не маленькое. И я

пришёл к тебе, о дядюшка, – мой отец о тебе осведомлён, – и хочу от твоей милости, чтобы я мог остаться в саду до конца дня или переночевать в нем, пока не исправит Аллах дело между мной и моим отцом».

И когда садовник услышал слова юноши, он огорчился из-за того, что случилось у него с отцом, и сказал: «О господин, позволишь ли ты мне сходить к твоему отцу и пойти к нему и быть причиной примирения между вами?» И юноша сказал: «О дядюшка, знай, что у моего отца нрав непосильный, и если ты заговоришь с ним о мире, когда он будет в пылу гнева, он к тебе не повернётся». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал садовник. – Но пойдём, о господин, со мною ко мне домой – я положу тебя на ночь между детьми и женой, и никто нас не осудит». – «О дядюшка, я всегда остаюсь один, когда я в гневе», – отвечал царевич, и садовник сказал: «Мне тяжело, что ты будешь спать один, в саду, когда у меня есть дом». – «О батюшка, я делаю это с целью, чтобы прошёл у меня приступ гнева, и я знаю, что мой отец простит меня из-за этого и его сердце ко мне смягчится», – сказал царевич. «Если уж это неизбежно, – молвил садовник, – я принесу тебе постель, чтобы на ней спать, и одеяло, чтобы покрыться». – «О дядюшка, в этом нет дурного», – ответил царевич. И старик поднялся и отпер ворота сада и принёс ему постель и одеяло (а старик не знал, что царевна хочет выйти в сад).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.